

ТЕАТР — ЭТО РАДОСТЬ!

РАССКАЗЫВАЮТ
МАСТЕРА ИСКУССТВ

— ЮБИЛЕИ? — переспрашивает Георгий Александрович. — Кто его знает... В такие дни невольно оглядываешься назад. И думаешь о том, сколько не успел сделать, и хватит ли времени, чтобы сделать то, что хочется. И всегда конфликт: между желанием сохранить критерии уже достигнутые и неудовлетворенностью, что вот это еще не успел, не сделал.

А так — повседневная жизнь: пьесы, которые ставлю, общие задачи нашего театра, то есть будни. Особенность же театра такова, что всем всё видно, все знают про него почти всё, и постоянно надо быть в форме.

— Казалось бы, Большому драматическому особенно беспокоиться об этом не следует?

— Знаете, больше всего меня сейчас заботит вот какая проблема, с ней мы сталкиваемся каждый день: наш век я бы назвал веком несколько смещенных критериев. Не знаю, отчего это идет — от не всегда еще высококачественных передач нашего телевидения, не всегда высокохудожественных фильмов, — но гипноз телевидения и кинематографа сегодня для зрителя очень велик. Сам факт встречи на сцене с актером, который стал популярен благодаря теле- или киноэкрану, уже достаточно для его театрального успеха. И зритель идет на «имя». Само по себе это не так страшно. Но то, что видит порой зритель на сцене, бывает просто кошмарно, потому что иной актер, который приобрел известность в силу своей типичности, не обладает элементарными навыками сценического искусства. А наша критика, вместо того чтобы помочь людям разобратся, что к чему, максимально влиять на них, напротив, занимается подчас комплиментарным рецензированием спектаклей. В первую очередь это касается гастролирующих. Не поймите только, что я огульно охаиваю критику, — сдвиги ее за последнее время есть, они налицо. Но наше традиционное гостеприимство приводит зачастую к ничем не оправданной лести.

— Раз уж зашел разговор о зрителе и об актере, то какого зрителя и актера вы больше всего любите?

— Зрителя прежде всего достаточно воспитанного и не «отравленного» театром. «Отравленного» — в смысле человека, постоянно враждующего с околотеатральной средой. Мне всегда симпатичен зри-

«Только я глаза закрою, предомню ты встаешь. Только я глаза закрою, над ресницами плывешь...»

Возможно, вы читаете эти строки Григора Орбелиани в тот момент, когда они звучат в зале БДТ, где идет сегодня «Ханума». Негромкий, с едва ощутимой хрипотцой голос пронзает их. Это голос постановщика спектакля, главного режиссера Академического Большого драматического театра имени М. Горького, лауреата Ленинской и Государственных премий, народного артиста СССР Георгия Александровича Товстоногова, которому сегодня исполняется 60 лет.

те, который искренне любит театр, но не знает его «другую сторону» — закулисную. Причем интересное мнение о спектакле не отдельного зрителя, а мнение зала. Зала не премьерного, а обычного. Его реакция намного точнее, непосредственнее и говорит мне и, актером очень многое.

Актера же люблю, который, вопервых, способен быть единым с собой в замысле, как в «заговоре», а не просто исполнителем. Люблю актера мыслящего и импровизирующего.

— Георгий Александрович, вы встречались со многими театральными коллективами, работали в них и с ними. Какие чувства вы испытываете, встречаясь с новым для вас коллективом и когда возвращаетесь в родные «пенаты»?

— Понимаете, с каждым новым коллективом приходится начинать с Адама и Евы, а это всегда скучно. Хочется идти вперед, а приходится возвращаться к тому, что давно пройдено. Я считаю, что уровень работы режиссера достигается минимальным многословием, когда ему не приходится выдвигать никаких «рацей», блистать красноречи-

ем, а чтобы человек понимал тебя с полуслова, с мимики, с жеста. Такое общение возможно только в своем коллективе. Потому я всегда испытываю чувство искренней радости, когда возвращаюсь в свой театр, где есть все условия для такого взаимопонимания без возвращения к «истокам». И в каких бы талантливых коллективах ни приходилось работать, я всегда с радостью тороплюсь к своему, потому что это — завоевано.

— Сорок с лишним театральных лет. Семнадцать из них — во главе БДТ. А что же из всего свершенного осталось в памяти?

— Не знаю, хорошая или плохая, но есть у меня такая странность характера: с трудом смотрю свои спектакли. Работаете над ними какое-то время, три-четыре месяца, а быть может, и несколько лет. Потом премьера, десять-двадцать представлений. И словно пуповина обрывается. Спектакль уже существует вне тебя, живет своей жизнью. Сложилось уже общественное мнение о нем, выступила критика. И как бы категорична она ни была в своих оценках, я воспринимаю ее к этому моменту спокойно и сам понимаю иногда даже больше того, что мне говорят. Но спектакль целиком не смотрю, захожу в зал только на интересные меня эпизоды.

Вот, например, когда в «Беспкойной старости» зал буквально замирает на ноктюрне Шопена, это те секунды, которые не могут быть ни в кино, ни на телевидении, нигде, кроме театра. Это — чудо соприкосновения, сопричастности зрителя к свершающемуся на сцене. Не в каждом и не на каждом спектакле эти секунды бывают, но, когда они есть, они искупают все: твои мучения, поиски, отчаяние, бессонницу.

— Театр, кино, телевидение, педагогика, литературная деятельность... Круг ваших интересов широк.

— И все-таки главное — театр. То, из-за чего я пришел в театр, почему он меня сегодня волнует, — это чудо и магия живого контакта.

При всем при том мне привелось работать и в кино, и на телевидении. Я доволен работой на «Лен-

фильме» над картиной «Мещане». Мы попытались не просто сделать фильм-спектакль, а экранизировать горьковскую пьесу с учетом всех законов кино и телевидения. И в этом смысле какое-то удовлетворение есть. Однако тех секунд трепетных, о которых я только что говорил, там не достигнуто. Они бывают только в театре. Вспомните, когда в «Мольере» на поклон выходят артисты под какую-то странную музыку Олега Каравайчука, то создается нечто такое, что не возникает нигде. Это — театр! Когда артист из характера сыгранного образа переходит в поклон, это нигде, кроме театра, сделать нельзя. Это — его магия, волшебство, чудо. Это то, ради чего мы отдаем себя театру, ради чего я живу в нем. И даже когда стареешь, это чувство не теряется. Это — радость.

— «Варвары», «Мещане», предстоящая постановка «На дне». Обращение к драматургии великого писателя наверняка же не только оттого, что театр носит имя Горького?

— Я просто очень люблю горьковские пьесы. Люблю за их, если так можно сказать, драматургическое несовершенство. Это может показаться парадоксальным, но «Варвары», к примеру, для меня — очерк жизни провинциального городка, картинка его быта. Мне интересны разговоры героев, сами по себе как будто статичные, лишены настоящего действия. Вроде бы в этой пьесе совсем нет драматургии, но зато есть, на мой взгляд, социальная, интеллектуальная пронзительность. И еще: пьесы Горького всегда публицистичны. Но эта публицистика не на поверхности, она идет изнутри, и доказатель ее жизненность, человечность, многогранность доставляет большую творческую радость.

И думая сегодня о предстоящей работе над пьесой «На дне», я бы определил основную мысль спектакля таким образом: как важно быть и всегда, в любых условиях, оставаясь человеком. Не все могут и должны быть героями, но сохранить в себе человеческое, совесть, бескомпромиссность — это ли не самое важное для человека? И не в том суть, где и когда сверша-

ются события пьесы, а в том, что проблемы, которые подняты автором, остаются актуальными и сегодня.

— Нынче в Ленинграде сложилось такое положение, что так или иначе почти все главные режиссеры — ваши ученики. Ваши воспитанники работают и в других городах. То есть существует практически «школа Товстоногова».

— Какая школа? Есть курс в театральном институте, который я веду. Активно трудятся в театре люди, которые у меня учились. Вадим Голиков, Владимир Воробьев, Ефим Падве. Кроме того, школу нашего театра прошли Игорь Владимиров, Зиновий Корогодский, Рубен Агамирзян.

— Имена эти сегодня широко известны, имена, утвердившие себя на театре. Но вот заковыка: в редком городе встретишь режиссера, который бы не называл себя учеником Товстоногова.

— К сожалению, это так. Приезжаешь в город, и тебя знакомят с человеком, которого видишь впервые. А он оказывается, по его словам, твоим учеником!

— Здесь ситуация двойная: с одной стороны такое признание вроде бы и приятно, а с другой...

— Да, ответственность. За тех людей, с которыми я даже не общался, которые никогда не бывали в нашем институте. Чего греха таить, обучение режиссеров у нас еще далеко от совершенства. Теоретическое обучение, творческое воспитание оторваны от практики. И потому, как правило, молодой режиссер приходит в коллектив не готовым к практической работе в нем. Убежден, что на сцене учебного театра должны ставить спектакли режиссеры-студенты, оформлять постановки художники-студенты. Более того, думаю, что настала пора создать при институте своеобразную стажерскую группу, творческую мастерскую, если хотите, будущих мастеров сцены, выпускников института, чтобы в течение двух-трех лет мы, педагоги, учителя, могли выявить их потенциальные творческие возможности, а сами они — наиболее полно раскрыть свои художнические индизидуальности.

Режиссеров нельзя учить так, как мы учим, — вне жизни живого театра. Да, в нем много компромиссов. Не я это придумал. Еще Не-

мирович-Данченко говорил, что театр — это цепь компромиссов. С ними можно бороться, на них можно идти. Главное — движение театра вперед, и ты его можешь направить, режиссер.

— Жестко спланированный ваш день включает в себя, несомненно, и депутатские дела?

— Депутатские обязанности не легки, многообразны и интересны: перед тобой проходит целая галерея самых разных людей. У каждого свой жгучий вопрос, своя проблема. Помочь их решить — вот моя задача. Я стремлюсь выполнять ее добросовестно. И каждая встреча с новым человеком обогащает запас жизненных наблюдений, запас, которым часто пользуюсь в непосредственной своей работе.

— В одной из песен поется: «Есть одна у летчика мечта — высота, высота...» Высота режиссера, ваша высота и, естественно, заветная мечта?

— Я не могу сформулировать ее как какое-то название пьесы, но вы ведь и не об этом спрашиваете. Хочу поставить еще Чехова, Шекспира, Пиранделло, который до сих пор, по-моему, не ставился в советском театре. Мы все время находимся в движении — бываем, отступаем, но вновь что-то берем, постигаем. Думаю, что никогда не достигнутого того, чего хочешь. Но если удастся все-таки сохранить достигнутый тобой в творчестве критерий, внести какую-то свою каплю — это и есть заветная мечта, задача, которая тобой движет, то есть то, что ты хочешь сделать в жизни. Только бы успеть...

А в зале звучит:

«Только я глаза закрою, предомню ты встаешь».

...Магия театра, его возможность сиюминутного общения сцены и зала... Каждый вечер, чтобы соприкоснуться с ней, подчиниться ей, идут люди на Фонтанку, 65. И каждое утро приходит сюда главный режиссер этого театра. Приходит на работу: репетирует, читает пьесы, беседует с актерами, встречается с авторами, со своими коллегами. Эта будничная, повседневная работа и рождает чудо театра.

Беседу вел Б. ГРИГОРЬЕВ

ЛЕНИНГРАД

28 СЕН 1973

г. Ленинград